

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-3-43-55

УДК: 821.161.1

С.В. ПереваловаВолгоградский государственный социально-педагогический университет,
400005 г. Волгоград, Российская Федерация

«Он весь – свободы торжество!»: поэтические мотивы Блока в русской «лейтенантской» прозе

Аннотация. Статья посвящена воздействию поэзии Александра Блока на русскую «лейтенантскую» прозу второй половины XX – начала XXI в., авторы которой в годы Великой Отечественной войны воевали на переднем крае, были рядовыми или младшими командирами Красной Армии. Историко-функциональный метод исследования позволяет показать, как в это время было актуализировано патриотическое содержание русской классики предшествующих веков, какие именно мотивы поэзии Блока патриотической направленности были особенно важны для военнослужащих Красной Армии. Основное внимание уделяется «Скифам» и стихотворным циклам «На поле Куликовом» и «Возмездие». Высокие идеалы поэзии Блока, имевшего опыт участия в Первой мировой войне, помогали формированию патриотических чувств, воспитывали стремление защищать не идеи, а свою Родину от оккупантов, не забывая о гуманности, уважительном отношении к личности другого. Системный метод исследования позволяет продемонстрировать, как в наши дни «сквозные» мотивы поэзии Блока связывают хорошо известные, не раз экранизированные произведения «лейтенантской» прозы с книгами писателей русского зарубежья, воссоздавая единое пространство русской культуры, в которой тема спасения родной земли от захватчиков издавна была главной. Поскольку герои анализируемых произведений по-блоковски романтичны и молоды, как и создавшие их авторы в годы своей фронтовой юности, в наши дни предмет исследования имеет большое значение в деле патриотического воспитания подрастающего поколения. Книги ветеранов Великой Отечественной войны и одаренных художников, включенные в школьные и вузовские программы, позволяют наглядно проследить сложный процесс духовного роста вчерашних студентов и школьников, становящихся мужественными и стойкими защитниками своей Родины.

Ключевые слова: русская культура, «лейтенантская» проза, А.А. Блок, героико-патриотическая литература, книги о человеке в годы войны и мира

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Перевалова С.В. «Он весь – свободы торжество!»: поэтические мотивы Блока в русской «лейтенантской» прозе // Литература в школе. 2023. № 3. С. 43–55. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-3-43-55

S.V. Perevalova**Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, 400005, Russian Federation**

“He’s all the triumph of freedom!”: Blok’s poetic motives in the Russian “lieutenant’s” prose

Abstract. The article examines the influence of Blok’s poetry on the Russian “lieutenant’s” prose of the second half of the XXth century and the beginning of the XXIst century, the authors of which fought on the front line as soldiers or young commanders of the Red Army during the Great Patriotic War. The historical and functional method of the research makes it possible to show how the patriotic content of the Russian classics of preceding centuries was updated during that time, which traditions of Blok’s lyrical works and poems of the patriotic direction were most important to the Red Army soldiers. The main attention is given to the poem “Scythians” and the poetic cycles “On the Field of Kulikovo” and “Retribution”. High ideals of Blok’s poetry, who was the participant of WW1, helped to form patriotic feelings, the desire to defend not ideas, but the motherland from occupiers and to remember about humanity, about respect for the personality of the other. The system method of research allows us to demonstrate how today the “cross-cutting” motifs of Blok’s poetry connect the well-known, more than once screened works of “lieutenant’s” prose with books by Russian writers from abroad, recreating a single space of Russian culture, in which the theme of saving the native land from the invaders has long been the central idea. As heroes are in the Blok way romantic and young like their authors in their front youth, in these days the subject of research has a big value in patriotic education of the young. Books by veterans of the Great Patriotic War and talented authors, included in school and university Literature curriculum, clearly disclose the complex process of the spiritual growth of yesterday’s students and schoolchildren, who became brave and steadfast defenders of their motherland.

Key words: Russian culture, “lieutenant’s” prose, A.A. Blok, heroic-patriotic literature, books about man during the war and peace

CITATION: Perevalova S.V. “He’s all the triumph of freedom!”: Blok’s poetic motives in the Russian “lieutenant’s” prose. *Literature at School*. 2023. No. 3. Pp. 43–55. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-3-43-55

Более ста лет прошло с того августовского дня 1921 г., когда не стало Александра Блока. Однако его действительное влияние на русскую культуру не признает временных границ, доказывая свою востребованность на протяжении всего XX в. и первых десятилетий нового тысячелетия. В 1955 г., отмечая 75-летие со дня рождения Блока, А.Т. Твардовский сделал признание: «Александр Блок не принадлежал к когорте бардов-революционеров, взявших на себя главное бремя борьбы за перестройку старого мира», но его «поэзия чистой души, возвышенных чувств, глубокой искренности не стареет, составляя неотъемлемую часть духовного обихода» [18, с. 206] миллионов наших соотечественников. Твардовский, военным корреспондентом исколесивший немало фронтовых дорог, а после войны, будучи редактором «Нового мира», открывший путь в большую литературу писателям «лейтенантской» прозы, воевавшим рядовыми или младшими командирами на переднем крае, имел право на такое утверждение. Он-то знал, как «блоковское понимание “жизни-битвы”, поиск во тьме исторического времени вечных “добра и света”, “огненное гражданское чувство” (А. Белый), воплощенные в поэтическом слове, оказались необходимы национальной культуре» [16, с. 82] и в период Великой Отечественной войны, и в послевоенные годы, когда литературную славу России умножили те, чья молодость прошла в «подкованных солдатских сапогах» (С. Орлов). Среди них – В.П. Некрасов, автор повести «В окопах Сталинграда» (1946), положившей начало всему литературному течению «лейтенантской» прозы.

В.П. Некрасовым так запечатлена первая встреча с Твардовским: «Мы познакомимся с ним почти сразу после войны. <...> Обоим было тогда лет по тридцать пять. Но он уже ходил в знаменитых писателях, “Теркина” все знали наизусть, а я пришел к нему в кирзовых сапогах, в гимнастерке с заплатанными локтями» [12, с. 505–506]. Бедность послевоенного быта не заслоняет от читателей богатство идейного мира художественных произведений, созданных ветеранами Великой Отечественной войны. Духовно-нравственный потенциал этих книг, рассказывающих правду о человеке в годы войны и мира, усиливает обращение авторов к гуманистическим традициям русской классики.

Военно-патриотическая проблематика и мотивная структура поэзии А.А. Блока в «лейтенантской» прозе была сразу актуализирована В.П. Некрасовым: в «Окопах Сталинграда» его автобиографический герой – лейтенант Керженцев – в преддверии боев за Мамаев курган вспоминает стихотворный цикл Александра Блока «На поле Куликовом». Керженцева, молодого командира саперного подразделения, как, разумеется, и создателя его образа, многое роднит с судьбой поэта Серебряного века. Прежде всего то, что Блок в годы Первой мировой войны тоже служил в армии: 7 июля 1916 г. был обнародован указ о призыве ратников первого и второго разрядов, «согласно которому Блок был призван на военную службу. Он был зачислен табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского союза земств и городов. В распоряжение дружины (в районе Пинских болот) он выехал 26 июля» [8, с. 401].

Такие инженерно-строительные дружины сродни саперным войскам, с которыми в годы Великой Отечественной войны был неразрывно связан боевой путь В.П. Некрасова, в довоенном Киеве получившего диплом архитектора. Секреты саперного мастерства будущий писатель освоил на Сталинградском фронте. Об этом свидетельствуют строчки Приказа о награждении по войскам 62 армии № 97/н от 19 февраля 1943 г. медалью «За отвагу» «полкового инженера старшего лейтенанта Некрасова», который «в обороне Сталинграда с августа 1942 года. <...> Товарищ Некрасов проявил большую инициативу в деле обороны на Мамаевом кургане. Под его руководством проводилось минирование полей и устройство инженерных сооружений в условиях предельного сближения переднего края с противником. <...> Товарищ Некрасов в совершенстве знает свое дело, являясь смелым, мужественным воином»¹.

Свою военно-учетную специальность В.П. Некрасов передает Юрию Керженцеву, способному выполнить боевую задачу – «врыться, опутаться проволокой, обложиться минами и держаться. Месяц, два, три, пока не скажут, что дальше делать» [10, с. 171]. Накануне боев за Сталинград, когда августовские «дни стояли ясные, жаркие», герой «Окопов», на короткое время погруженный в воспоминания о доме, о мирном прошлом, о Блоке, смотрит на Мамаев курган не только глазами поэтической натуры, обладающей

даром художника («Вид отсюда действительно замечательный... Волга – спокойная, гладкая, такая широкая и мирная, и кудрявая зелень на том берегу» [Там же, с. 85–86]), но и глазами командира, трезво оценивающего тактико-технические характеристики «высоты-102»: «Здесь хорошее место для пулемета. <...> А другой вон там вот поставить. Он прекрасно будет простреливать ту сторону оврага» [Там же, с. 86]. Когда-то, с недоумением и легкой иронией вспоминает Керженцев, он «и шоколад любил, и в третьем ряду партера сидеть», но офицерская форма приучила даже «на луну смотреть с точки зрения ее выгоды и полезности» [Там же] для военного дела.

Первая мировая многое изменила в судьбе Александра Блока, которого, по воспоминаниям В.А. Зоргенфрея, современники запомнили и таким: «В военной форме, с узкими погонами “земсоюза”, свежий, простой и изящный». Несмотря на то, что «война – глупость, дрянь» – формулировал Блок «свои впечатления», он предпочел «идти в строй и отнюдь не “устраиваться”» [5, с. 24]. Такая возможность у него была: «Я мог бы устроиться в *** дивизии, где у меня родственник», – делился Блок своими сомнениями с Зоргенфреем. Действительно, «Блока могли зачислить в дивизион тяжелой артиллерии при содействии М.Т. Блок (второй жены А.Л. Блока), брат которой, генерал С.Т. Беляев, командовал дивизионом» [14, с. 425].

Возможностью «устроиться», то есть найти в годы Великой Отечественной войны способ жизни менее опасный, чем передний край Сталинградского фронта, обладал

¹ URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=150132519&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 11.03.2020).

и В.П. Некрасов: он, в молодости страстно увлеченный театром, в довоенную пору несколько лет служил актером, режиссером, театральным художником в театрах Владивостока, Кирова, Ростова-на-Дону. В 1941 г. отказался от брони, из театра Красной Армии в Ростове-на-Дону добровольно ушел на фронт, по-блоковски решив «встать в строй, а не “устроиться”». Может, все перечисленное, как и любовь к театру (молодой Блок тоже не раз принимал участие в домашних спектаклях), и то, что формирование личности признанного поэта и никому незнакомого писателя-фронтовика со знакомой всем фамилией проходило в «неполных семьях» (супруги Некрасовы расстались, когда будущему писателю не было и года, а в 1917 г. его отец скончался от разрыва сердца) – только случайные биографические «рифмы»? Вряд ли: в «большом времени культуры» (М.М. Бахтин) не бывает «случайностей»: по всей видимости, В.П. Некрасов с детства знал и любил творчество Александра Блока. Ведь за его чтением «деспотично» следила мамина сестра – «тетя Соня», Софья Николаевна Мотовилова, «замечательный человек, геолог, библиотекарь и библиограф» (В.П. Некрасов). В ней всегда угадывалась «общественная жилка», она была дружна со многими политическими деятелями своего времени, вела переписку с В. Брюсовым, Б. Пастернаком, ее искренняя преданность литературе диктовала страницы дневника, которые вошли в книгу воспоминаний под названием «Минувшее», опубликованную в 1963 г. «Новым миром».

Мальчишеское противодействие «воспитательному напору» тети,

о котором В.П. Некрасов не раз вспоминал, не препятствовало усилению в нем собственной тяги к русской литературе. Потому и в «Окопах Сталинграда» Керженцеву на Мамаевом кургане перед сражением с «новым Мамаем» («Немцы рвутся к Волге. Пьяные, осатанелые, в пилотках набекрень, с засученными рукавами. Говорят, перед нами эсэсовцы – не то “Викинг”, не то “Мертвая голова”, не то что-то еще более страшное» [10, с. 165]) вспоминается стихотворный цикл Блока «На поле Куликовом» (1908): «...любил ли я Блока. <...> Да, я его любил. А сейчас <...> больше всего люблю покой» [Там же, с. 211]. Однако покой даже «не снится», как тому безымянному ратнику из войска Дмитрия Донского, переживания которого воспроизводит Александр Блок в цикле стихотворений «На поле Куликовом» (1908):

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись!

[1, т. 3, с. 162]

Это позволяет убедиться в справедливости «прогнозов» А.Т. Твардовского, касающихся судьбы Александра Блока: «Поэзия его не осталась позади века», в военные и в мирные годы были и есть те, кто «сохраняет в себе всего Блока» [17, с. 205].

Подтверждение сказанному – и в хорошо известной, не раз экранизированной повести Б.Л. Васильева «А зори здесь тихие...» (1969). Б.Л. Васильев, добровольно ушедший на фронт в составе истребительного комсомольского полка, постарался выполнить долг «лейтенантской»

прозы перед воевавшими женщинами, образы которых незаслуженно обходила стороной «мужская» литература о Великой Отечественной войне. В этом художнику оказала поддержку поэзия Блока. «Ветер принес издалека» (А.А. Блок), из мирных времен, слова большого поэта России, которые в одном из эпизодов повести «А зори здесь тихие...» читает Соня Гурвич. Этот образ одной из девушек-зенитчиц 171 разъезда, вместе со своим командиром старшиной Васковым шагнувших навстречу немецким диверсантам и навсегда оставшихся в карельских лесах, овеян особенной «поэзией героизма и подвига» (А.Д. Дементьев).

Соня, приветливая девочка из «очень большой и очень дружной семьи» минского доктора, студенткой филологического факультета Московского университета добровольно пришла в военкомат, откуда фронтовая безвозвратная дорога привела ее в те дальние края, где разворачивается действие произведения. Старшина Васков, по-командирски оценивая «боеготовность» своего немногочисленного отряда, обращает внимание на незавидные данные «бойца Гурвич»: «худющая, как весенний грач», и «сапоги топают». Она «сапоги никогда раньше не носила и по неопытности получила в каптерке на два размера больше» [4, с. 47]. Однако Соня, хоть «под винтовкой, под сумком, скаткой да сидором с харчами гнется, как тростинка» [Там же, с. 19], упорно вживается в армейский быт, а готовясь лицом к лицу встретиться с немцами, мужественно и спокойно, подавляя страх, как и все другие девушки, выполняет приказы командира. Стар-

шину удивляет поведение Сони перед боем: «Боец Гурвич читала за своим камнем книжку. Бубнила нараспев, точно молитву, и Федот Евграфыч послушал: “Рожденные в года глухие / Пути не помнят своего. / Мы – дети страшных лет России – / Забыть не в силах ничего...”» [Там же, с. 28]. Когда-то однокурсник, «сосед по лекциям, <...> подарил ей тоненькую книжку Блока и ушел добровольцем на фронт» [Там же, с. 47]. С тех пор в Соне звучит, как молитва, важнейший мотив лирики Блока, внушающий веру в возможность преодоления «страшных лет России».

Не случайно именно «Рожденные в года глухие...» заставило и старшину Васкова прислушаться к словам Блока: стихотворение создано в 1914 г., когда разгоралась Первая мировая война, а день написания поэтических строк – 8 сентября. Несомненно, Блок держал в памяти каждому в России хорошо знакомую дату – 8 сентября 1380 г., день Куликовской битвы. Персонажам повести Васильева «А зори здесь тихие...», как и автору произведения, конечно, эта дата тоже говорила о многом: в истории нашего Отечества Куликовская битва «сопоставима лишь с Отечественной войной 1941–1945 годов. В каждом из этих испытаний мы стояли перед смертельной угрозой уничтожения врагом самих основ нашего исторического бытия, как государства, нации, определенного типа культуры, языка, народности» [15, с. 99]. По-видимому, «Блок – поэт зорь и зарев» [19, с. 237], воспринимается героями повести «А зори здесь тихие...» как современник. И для самого прозаика заглавие произведения «кодирует» имя

особенно дорогого человека – Зори Альбертовны Поляк. Это жена писателя, ставшая прототипом «бойца Гурвич». Борис Васильев познакомился с ней в конце 1943 г., когда они вместе учились в Военной академии бронетанковых и механизированных войск, поженились в 1945 г. Долгая совместная жизнь крепкой супружеской пары давала основание для признания автора повести «А зори здесь тихие...»: «Меня ведут мои герои и жена Зоренька»².

Интеллигентная и поэтичная Зоря Альбертовна была главным помощником и первым рецензентом писателя-фронтовика: сняв погоны, Зоря Поляк, связала свою жизнь с телевидением, где редактировала немало гуманитарных проектов, как, например, неизменно пользовавшуюся заслуженным признанием у советских зрителей передачу «От всей души» (с ведущей Валентиной Леонтьевой). Для Васильева литература тоже с детства – «хлеб насущный»: он «родом из дворян, отец – кадровый военный, служивший в царской, Красной и Советской армиях; мать принадлежала к известной семье Алексеевых», где глубоко уважали «семейные нравственно-философские традиции», воспитывали «любовь к литературе и истории». В школьные годы «Васильев играл в любительских спектаклях, выпускал вместе со своим другом рукописный журнал» [13, с. 137].

Может быть, редкой красоты словосочетание «зори здесь были тихие-тихие» [4, с. 28] после военных испытаний воскресило в сознании автора

² Васильев Б.Л. «Меня ведут мои герои и жена Зоренька» // Комсомольская правда – Смоленск. 2013. 11 марта.

«лейтенантской» прозы литературу Серебряного века, многие художники которого в советский период истории были вычеркнуты из отечественной культуры? Дело в том, что заглавие «Тихие зори» было дано своему рассказу 1904 г. Б.К. Зайцевым. Это произведение входило в первый сборник писателя «Рассказы. Книга 1-я», в 1906 г. изданный «Шиповником». А первое собрание сочинений писателя (современники называли его «поэтом прозы») было выпущено в 1916–1919 гг. «Книгоиздательством писателей в Москве». В дальнейшем творчество Зайцева намеренно «забывалось» в нашей стране, откуда художник в 1922 г. навсегда уехал в эмиграцию.

По замечанию В.П. Некрасова, в 1974 г. тоже вынужденного эмигрировать вследствие идеологических противоречий с органами власти, «об эмигрантской литературе мы в Союзе вообще ничего не знали. Куприн, Бунин, Тэффи, Саша Черный, кое-кто слышал о Зайцеве <...>. Вот и все» [11, с. 47]. Нельзя исключать, что о «Тихих зорях» Б.К. Зайцева «по касательной» напомнил «лейтенантской» прозе Блок. В статье «О реалистах» (1907) он характеризовал «единственную пока книжку» рассказов начинающего писателя, куда вошли и «Тихие зори», как «вступление к чему-то большому и яркому», что «являет живую, весеннюю землю <...> и летучий воздух» [1, т. 5, с. 112]. В «Литературных итогах 1907 года» (1907) Блок подтверждает это впечатление, упоминая о «1-ом томе рассказов» Бориса Зайцева, который открывает «пленительные страны своего лирического сознания: тихие и прозрачные» [Там же, с. 203].

В наши дни, когда творческое наследие писателей русского зарубежья становится фактом общественного сознания, сложно удержаться от мысли: Блок оказывается своего рода «узлом связи» трех «ветвей» отечественной словесности, насильственно разъединенных в первые десятилетия XX в. (литературы русского зарубежья, произведений, в нашей стране разрешенных «официально», и тех, что до недавнего времени числились среди «задержанных», написанных «в стол»). Среди них – посмертно опубликованные рассказы Владимира Тендрякова («Пара гнедых», «Хлеб для собаки», «Параня», «Донна Анна» и др.), чей жизненный путь оборвался в 1984 г. Особое место в этом ряду занимает рассказ «Донна Анна» (1969, опубликован в 1988 г.), где сильно блоковское начало.

Впервые блоковский образ – донна Анна – и мотив утраты появляются в самом начале рассказа, повествующего об отступлении нашей армии летом 1942 г. «до Волги, до Сталинграда...» [18, с. 512]. Младший сержант Тенков, ночью дежуривший у телефона в вагоне-теплушке, вместо позывных-«заклинаний»: «...Акация!.. Акация!» – неожиданно для себя с вызовом продекламировал:

В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета – ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! – Тишина...»

[Там же, с. 492]

Звучание этих строк из стихотворения Блока «Шаги командора» (1910–1912), входящего в стихотворный цикл «Возмездие», положило начало знакомству младшего сержанта с моло-

дым офицером Галчевским, удивленно воскликнувшим: «Вы любите Блока?» [Там же]. Несмотря на это «лирическое» совпадение интересов, знакомство персонажей не перерастает в настоящую фронтовую дружбу: Галчевский был «младшим лейтенантом, в армейском субординационном здании находился на целый этаж выше» [18, с. 493] Тенкова, который, к тому же, недоверчиво воспринимает неуместную в сложившихся обстоятельствах отхода наших войск эмоциональную взвинченность этого любителя поэзии с «капризным изломом губ». Недоверие сменяется неприязнью в эпизоде показательного расстрела Ивана Кислова, «повозочного из хозтранспортной роты, <...> уличенного в умышленном членовредительстве» [Там же, с. 491].

Не углубляясь в рассмотрение вопроса о формах воспитательной работы военнослужащих, стоит обратить внимание на то, чему противится душа Тенкова, непосредственного свидетеля реконструируемых событий. Стоит принять к сведению автобиографичность этого образа, точка зрения которого организует все повествование: младшему сержанту Тендряков передоверяет и свой фронтовой путь, и свою воинскую специальность – радист стрелкового полка – и фамилию, убрав из нее один слог, что позволяет «документированную» основу сюжета дополнить средствами художественного обобщения. Лично пережитое на фронте помогает писателю нарисовать яркие, запоминающиеся характеры и передать их надежды и сомнения так, чтобы сегодняшние читатели оказались вовлеченными в процесс сотворчества.

Вот о чем в эпизоде с Иваном Кисловым мучительно размышляет Тенков: «Теперь уже разгар лета, а этот Кислов, как установлено трибуналом, четырнадцатого марта тысяча девятьсот сорок второго года <...> на кухне рубил мясо и отрубил себе указательный палец на правой руке» [18, с. 490–491]. Значит, вместе с отступающими частями, «сюда, на фронт, везли этого Кислова. <...> Для показательности» [Там же, с. 491]. Тенкова угнетает не только то, что по приговору военного трибунала «через минуту <...> пятеро вооруженных парней убьют шестого, растелешенного и безоружного» [Там же], но и «постановочность» происходящего (словно «позвали смотреть на спектакль» [18, с. 494]). Все «зрители подымались» [Там же, с. 495], переживая гнетущее чувство досады и опустошенности; только младший лейтенант Галчевский, командир химзвода, «кипятился»: «Зачем показывают этого ублюдка?.. Чтоб напугать нас?.. Смертью?.. Смешно!» [Там же, с. 490]. Больше никому не смешно, уж Тенкову-то – точно. С Иваном Кисловым он «никогда не ел из одного котелка», этот «Кислов – гори все, а я спрячусь! – нравиться <...> не может» [Там же, с. 496]), но его расстрел заставляет Тенкова вспомнить своих боевых товарищей: Славку Колтунова «убило наповал на линии», Сафу Шакирова «всего два часа назад» отправили «на грузовике в санбат – пулевое в живот, неизвестно, выживет ли...» [Там же, с. 491].

По-видимому, печальные раздумья самого писателя, умудренного жизнью, определяют эмоциональное состояние молодого героя в рассказе

Тендрякова «Донна Анна»: младшему сержанту Тенкову «не нравится кипящий без нужды Ярик Галчевский» [Там же, с. 496], не умеющий ценить жизнь и насмехающийся над смертью. Нацеленность на свой «Тулон», жажда «красивого подвига» («Вот так бы и умереть – чтоб в глаза врагу, чтоб смеяться над ним!..» [Там же, с. 493]) неизменно держат Галчевского в состоянии «тревожной наэлектризованности», он и «говорит захлебывающимся, галопирующим голосом: «Как я хочу показать им!.. – Галчевский дернул каской в сторону немца <...>, показать, как я могу не-на-видеть!.. – И вдруг продекламировал» блокковских «Скифов»: «Мы широко по дебрям и лесам / Перед Европою пригожей / Расступимся! Мы обернемся к вам / Своею азиатской рожей!» [Там же, с. 503].

Тенков раздраженно замечает неуместную артистичность Ярика: «На дне окопа этот книжный пафос звучал фальшиво». Еще более пафосно «разыгрывается» Галчевским сцена самосуда над командиром роты, умеющим не «книжно», а реально оценивать обстановку: если в данных обстоятельствах поднять роту в атаку, «убийство будет, наступления – нет. У своих же окопов ляжем» [Там же, с. 510].

Эти доводы не признает Галчевский: он непременно «хочет показать» не только «им», фашистам, но и нашим бойцам, как «картинно» можно «умереть <...>, чтоб смеяться над врагом. «Галчевский кипел» [Там же, с. 495]. Обвинив ротного в трусости и расстреляв его, «Р-р-ро-та!!.. – закричал Галчевский рыдающе и, весь

перекрутившись, выбросился наверх» [18, с. 507], увлекая за собой подчиненных. Атака не удалась: Ярик «покипятился <...> – и роты как не бывало» [Там же, с. 510], его самоуправство обернулось «убийством» («От всей роты – пятеро» [Там же]). Однако сам командир-«неудачник» уцелел. Он «неожиданно вырос над нами, маленькая голова в просторной каске, <...> согнулся и бережно сел на край траншеи, спустил к нам свои кирзовые сапоги <...>. “Вот я...”, – сказал он и вдруг закричал рыдающе: “Убейте меня!”» [18, с. 512].

В облике Ярика Галчевского, совсем недавно убежденного в своем бесстрашии, проступают черты «страх познавшего Дон-Жуана» из стихотворения Блока «Шаги командора»: этот «вечный» образ поэт «интерпретирует вопреки традиционным подходам, не романтизируя, а «намеренно снижая его, но, несмотря на это, толкая в трагическом ключе» [7, с. 39]. Видимо, Галчевский, «в гимнастерке распояской, в комсоставовских синих галифе, но босиком», когда «человеком ему оставалось быть считанные минуты», понял, что такое жизнь: он «вытянулся, напрягся <...>: “Я не враг! Мне врали! <...> Да здравствует...”» [Там же, с. 515]. Блок неврал: в его поэзии, полной любви к Родине, готовности защитить ее, «молодечества» и самолюбования не было. Еще современники поэта сблизжали «Скифов» с пушкинским стихотворением «Клеветникам России» [8, с. 378]. Ведь «двойное “да”» в восклицании Александра Блока: «Да, скифы мы! Да, азиаты мы!» – словно ответ на какой-то очень известный, давно заданный вопрос. В мучительные дни слож-

ных переговоров с немецкой делегацией в Брест-Литовске «воображаемый спор поэт ведет с европейской традицией восприятия русского мира» [3, с. 332], издавна нервически «разгадываемого» миром «цивилизованным» и даже после поражения Наполеона воспитавшего «озлобленных сыновей», не расслышавших пушкинское «Оставьте нас!».

Рассказ В.Ф. Тендрякова «Донна Анна» завершается словами военного трибунала «по обвинению Галчевского Ярослава Сергеевича, младшего лейтенанта, тысяча девятьсот двадцать второго года рождения <...> Приговорил!» [18, с. 515]. В отличие от эпизода с Кисловым здесь нет и тени заготовленной «зрелищности»: «Не было расторопных ребят в твердых тыловых фуражках», приговор приводили в исполнение «шестеро солдат из комендантского взвода, такие же, как все мы, шатающиеся от усталости» [Там же, с. 514], – рассказывает Тенков. К своему удивлению, он уточняет: в этот раз «почему-то торжественные слова: “военный трибунал... в составе” <...> вносили в душу успокоение. Оказывается, и в бредовой неразберихе отступления <...> сохранился порядок, <...> жива дисциплина, жива армия» [Там же].

Стоит упомянуть о том, что жизненные силы нашей армии были поддержаны и Приказом № 227 от 28 июля 1942 г., получившим неофициальное название «Ни шагу назад!». Здесь прямо «указывалось, что необоснованные репрессии, незаконные расстрелы, самоуправство» со стороны командного состава «нередко ведут к обратным результатам, способствуют падению воинской дисциплины

и политико-морального состояния бойцов» [6, с. 108]. Но главное: благодаря этому приказу произошел резкий отказ от «идеологии “скифской войны”, накрепко въевшейся в сознание командиров и бойцов и выражавшейся в представлениях о необъятности территории, неистощимости запасов, о заманивании врага вглубь огромной страны» [2, с. 164]. Как бы ни старались «сегодняшние “клеветники России” перечеркнуть важность этого документа, размывая историческую память, в первую очередь – молодежи», стоит знать: именно «последовательное выполнение требований этого приказа значительно укрепило воинскую дисциплину, повысило организованность, стойкость и упорство войск» [6, с. 108].

Мысль об упорной защите Родины на последнем рубеже, не совместимая с жадной личной славой и «красивого» подвига любой ценой, становится в рассказе В.Ф. Тендрякова «Донна Анна» основной для авто-

ра-повествователя и его однополчан в конце августа 1942 г.: «На другой день мы вошли на станцию Садовая, окраину Сталинграда, еще оживленного, еще не разрушенного, не спаленного города. Мы защищали его. В этом городе враг был разбит. Наше дело правое, победа оказалась за нами» [18, с. 516]. Если учесть, что «в заглавиях присутствие автора всегда ощутимо» [9, стлб. 849], то становится понятным: в рассказе «Донна Анна» Тендряков, многое переживший за свой недолгий век, сохраняет в памяти и передает читателям главное воспоминание о немеркнущем «свете» своей фронтовой юности, по-блоковски отодвигая на второй план все «угрюмство», все болезненное и трагическое. «Свободы торжество» (А.А. Блок) было завоевано в борьбе за правое дело защиты Отечества, к чему неумолчно взывали «музы» нашей героико-патриотической литературы.

Библиографический список

1. Блок А.А. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1971.
2. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.) / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев. Ростов-н/Д., 2016.
3. Бражников И.Л. «Скифский сюжет» в русской культуре // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 4 (1). С. 332–337.
4. Васильев Б.Л. А зори здесь тихие...: сборник. М., 2015.
5. Зоргенфрей В.А. Александр Александрович Блок (По памяти за пятнадцать лет: 1906–1921 гг.) // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 7–39.
6. Ипполитов Г.М. «Ни шагу назад!»: жестокая, но необходимая мера (дискуссионные размышления в связи с 75-летием приказа народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3. С. 94–110.
7. Коптелова Н.Г. Стихотворение А. Блока «Шаги командора»: театральность поэтики // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2 (17). С. 35–41.
8. Лавров А.В. Вступительная статья, публикация и комментарии к изд.: Переписка с Р.В. Ивановым-Разумником // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Книга вторая: Неизданная переписка Блока. М., 1981. С. 366–414.

9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001.
10. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда: повесть. СПб.; М., 2018.
11. Некрасов В.П. По обе стороны стены: повести и рассказы. New York, 1984.
12. Некрасов В.П. Твардовский // Некрасов В.П. В окопах Сталинграда: повесть, рассказы. М., 1989. С. 505–510.
13. Николаева О.В. Васильев Борис Львович // Русские писатели XX века. Биографический словарь / под ред. П.А. Николаева. М., 2000. С. 137–138.
14. Орлов Вл. Примечания // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 423–472.
15. Селезнев Ю. Сущность подвига // Меж Непрядвой и Доном. М., 1980. С. 96–101.
16. Спиридонова И.А. «Блоковский канон» в литературе Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Филологические науки. 2015. № 3. С. 82–86.
17. Твардовский А.Т. О литературе. М., 1973.
18. Тендряков В.Ф. Люди и нелюди: повести и рассказы. М., 1990.
19. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990.

References

1. Blok A.A. Sbranie sochineniy. V 6 t. [Works in 6 vols.]. Moscow, 1971.
2. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F., Medvedev M.V. Bolshaiya izluchina Dona – mesto reshajushih srazheniy Velikoj Otechestvennoj vojny (1942–1943) [The Great Bend of the Don – the place of the decisive battles of the Great Patriotic War (1942–1943)]. Rostov-na-Donu, 2016.
3. Brazhnikov I.L. “Scyphian plot” in Russian culture. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2011. No. 4 (1). Pp. 332–337. (In Rus.)
4. Vasiljev B.L. A zori zdes tihije... [The Dawns Here Are Quiet]. Compilation. Moscow, 2015.
5. Zorgenfrey V.A. Alexander Alexandrovich Blok (From memory for fifteen years: 1906–1921). *Aleksandr Blok v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t.* Moscow, 1980. Pp. 7–39. (In Rus.)
6. Ippolitov G.M. “Not a step back!”: A cruel but necessary measure (debatable reflections in connection with the 75th anniversary of the order of the People’s Commissar of Defense of the USSR No. 227 of July 28, 1942). *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 19. No. 3. Pp. 94–110. (In Rus.)
7. Koptelova N.G. The poem of Blok “Commander’s steps”: Theatricality of poetics. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2019. No. 2 (17). Pp. 35–41. (In Rus.)
8. Lavrov A.V. Introductory article, publication and comments to the publication: Correspondence with R.V. Ivanov-Razumnik. *Aleksandr Blok. Novyje materialy i issledovanija. Kniga vtoraya: Neizdannaya perepiska Bloka*. Moscow, 1981. Pp. 366–414. (In Rus.)
9. Literaturnaja enciklopedijja terminov i ponjatij [Literary encyclopedia of terms and concepts]. A.N. Nikolukin (ed.). Moscow, 2001.
10. Nekrasov V.P. V okopah Stalingrada [In the trenches of Stalingrad]. St. Petersburg; Moscow, 2018.
11. Nekrasov V.P. Po obe storony steny: povesti i rasskazy [On both sides of the wall: Novels and stories]. New York, 1984.
12. Nekrasov V.P. Tvardovsky. *V okopah Stalingrada: povest, rasskazy*. Moscow, 1989. (In Rus.)
13. Nikolajeva O.V. Vasiljev Boris Lvovich. *Russkije pisateli XX veka. Biographicheskij slovar*. P.A. Nikolaev (ed.). Moscow, 2000. Pp. 137–138. (In Rus.)
14. Orlov V.I. Notes. *Aleksandr Blok v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t.* Moscow, 1980. Pp. 423–472. (In Rus.)
15. Seleznev Ju. Essence of a feat. *Mezh Nepriadvoj i Donom*. Moscow, 1980. Pp. 96–101. (In Rus.)

16. Spiridonova I.A. "Blok's canon" in the literature of the Great Patriotic War. *Uchjonyje zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologičeskije nauki*. 2015. No. 3. Pp. 82–86. (In Rus.)
17. Tvardovsky A.T. O literature [About literature]. Moscow, 1973.
18. Tendrjakov V.F. Ludi i neludi: povesti i rasskazy [People and non-humans: Novels and stories]. Moscow, 1990.
19. Epshtejn M.N. «Priroda, mir, tajnik vselennoj...»: sistema pejzaznyh obrazov v ruskoj poezii ["Nature, world, the secret of the universe": A system of landscape images in Russian poetry]. Moscow, 1990.

Статья поступила в редакцию 20.12.2022, принята к публикации 30.05.2023

The article was received on 20.12.2022, accepted for publication 30.05.2023

Сведения об авторе / About the author

Перевалова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Института русского языка и словесности, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Svetlana V. Perevalova – ScD in Philology, Associate Professor; Professor at the Department of Literature and Methods of Teaching it, Faculty of Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University

E-mail: cavaler@yandex.ru